
НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

(Теория и история права и государства; история правовых учений)

УДК 340.12:316.624.3

К. А. ДАЛЛАКЯН, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России, доктор философских наук, профессор (г. Уфа)

K. A. DALLAKIAN, professor of the chair of socio-humanitarian and economic disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of philosophy, professor (Ufa)

ТЕРРОР И ВОЛЯ В ЛЕГИСТСКОЙ ПАРАДИГМЕ ПРАВОПОНИМАНИЯ

TERROR AND WILL IN THE LEGIST PARADIGM OF LEGAL UNDERSTANDING

Аннотация. В статье раскрывается влияние легистской парадигмы правопонимания на трансформацию воли социальных субъектов, порождающую террор и терроризм как девиантное манипулятивное средство современной коммуникации. Легистский тип правопонимания, рассматривая государство как аппарат насилия, а закон как волю господствующего класса, способствует подавлению воли граждан, превращению ее в чужезволие. Это может привести к терроризму, являющемуся, как правило, следствием вызванного террором страха, агрессии, ненависти и отчаяния. Терроризм рассматривается в статье как проявление деформированной воли к смерти. Террористический акт выступает, с одной стороны, как послание террориста о непринятии этого мира, построенного на основе легистской парадигмы, а с другой, как форма трансцендирования самоубийства в массы. Анализируются причины такой деформации воли террористов.

Ключевые слова и словосочетания: террор, терроризм, воля, легизм, страх, ненависть, отчаяние, смысл жизни, коммуникация, деформация, девиантность, гиперкомпенсация.

Annotation. The article reveals the influence of the legist paradigm of legal understanding on the transformation of the will of social subjects, generating terror and terrorism, as a deviant manipulative means of modern communication. The legist type of legal understanding, considering the state as an apparatus of violence, and the law as the will of the ruling class, contributes to the suppression of the will of citizens, turning it into someone else's will. This can lead to terrorism, which is usually a consequence of terror-induced fear, aggression, hatred and despair. Terrorism is considered in the article as a manifestation of a deformed will to die. A terrorist act is, on the one hand, as a message from a terrorist about the rejection of this world built on the basis of the legist paradigm, and on the other, is a form of transcending suicide to the masses. The reasons for this deformation of the will of terrorists are analyzed.

Keywords and phrases: terror, terrorism, will, legism, a fear, hatred, despair, meaning of life, communication, deformation, deviance, hypercompensation.

Сложность исследования социально-правовых феноменов заключается в

порой неосознанной включенности исследователей в ту или иную научно-исследова-

тельскую парадигму. Более того, иногда не осознается даже возможность существования других парадигм, а если и осознается, то они часто кажутся исследователю настолько абсурдными, что не принимаются всерьез. Например, насколько странной выглядела бы в эпоху Средневековья марксистская теория революции. Однако различные парадигмы могут сосуществовать не только во времени, но и в пространстве, порождая непонимание и их агрессивное неприятие. Нередко имеет место признание, а иногда всего лишь провозглашение, одной модели понимания мира, а на деле реализуется другая. Подобное происходит на наш взгляд, с легистской парадигмой, влияние которой во всем мире, включая и демократические страны, недооценено.

Представляется важным поэтому обратить внимание на субстанциональное понимание таких социально-правовых феноменов, как террор, воля социальных субъектов, их взаимообусловленность и трансформация в различных парадигмах правопонимания. Причем, трансформации подвергаются не только эти феномены, но и, как следствие, глобальная социально-политическая реальность.

Исследование столь многосложного и актуального феномена, сознательно покрытого завесой таинственности и потому порой привлекательного для неокрепших молодых душ, как террор, предполагает выявление его отличия от терроризма. Под террором обычно понимают угрозу физической расправы, запугивание социальных субъектов с целью подавления их воли. Терроризмом же называют практическую реализацию идеи террора в конкретных актах насилия, в воздействии на общественное сознание [1]. Террор – больше стратегия, а терроризм – тактика ее реализации. Причем, второе нередко является следствием первого. Террор – это и эйдос, и одновременно способ его экзистенции. Терроризм же – конкретные меры реализации этого эйдоса. Поэтому люди, осуществляющие террористические акты, порой и не осознают, материализацией какого эйдоса служат их действия, подобно

тому, как многие революционеры знают, что делают, но не ведают, что творят. Это актуализирует необходимость глубинной рефлексии и дифференциации детерминирующих факторов террора и терроризма.

Террор в легистской парадигме, которая не дифференцирует силу и насилие, выступает оправданным и законным, а порой и единственно возможным средством решения государственных проблем. Государство, понимаемое как аппарат насилия, опирается на закон как волю господствующего класса, чтобы держать в повиновении своих граждан. Таким образом, в легистской парадигме государство выступает законным средством осуществления террора. Основным и часто весьма действенным средством такого управления выступает Страх, превращающийся постепенно, по словам С. Кьеркегора, в Трепет. Именно террор, сеющий страх, порождает терроризм как ответную реакцию на угрозы и насилие. Это ярко иллюстрирует российская история начала XX века.

Психологической основой терроризма, как правило, выступает желание вывести страх за собственные границы. Согласно второму закону термодинамики, система сохраняется посредством выведения энтропии за свои пределы. Так обеспечивается негэнтропия, то есть порядок внутри системы. Поэтому управление посредством страха, парализующего волю социальных субъектов, характерное легистской парадигме, порождает террористические практики.

Следует дифференцировать страх и боязнь, которая всегда конкретна. Боящийся знает, чего и почему он боится. Страх же иррационален. Человек часто не осознает почему именно этого он страшиться. Психоаналитические исследования показывают, что даже испытанная младенцем при рождении боль может экстраполироваться в будущем страх и ненависть на другие субъекты. Многие преступники, совершая преступления, бессознательно мстят своим родителям и другим людям, невольно причинившим им боль.

Средством реализации террора и терроризма является воля социальных субъектов,

точнее то, во что она превратилась. Террор, насаждая страх, трансформирует волю не только тех, кого пугают, заставляя их слепо ненавидеть и мстить, порой посредством манипуляций объединяясь в группы с абсолютно незнакомыми людьми, но и волю пугающих, считающих себя вынужденными реализовать свою святую обязанность – обеспечить, например, порядок. В этих случаях «чужеволлие» поглощает волю.

Страх порождает возможность для реализации других возможностей. В этом его потенциальная мощь как одного из самых сильных человеческих чувств. «Страх – это желание того, чего страшатся», – пишет С. Кьеркегор [2, с. 367]. Такой страх в большей степени присущ народам с патриархальной культурой. Именно в странах, культивирующих чрезмерную строгость в воспитании, страх перед отцом, чаще всего вырастают агрессивные и деструктивные юноши [3, с. 280].

Страх как эйдос террора и терроризма напрямую связан с ожидания угрозы, без которого нет и страха. Иногда страх порождается наличием свободы, к которой личность еще не готова. Это порождает феномен «бегства от свободы», отмеченный Э. Фроммом. Поэтому идеологи террора пытаются повсеместно сеять страх, а современные СМИ, преследуя свои цели, раздувают угрозу, создавая тотально боящихся людей. Это свидетельствует о глобальности легистской парадигмы сегодня.

Террористические действия как ответ на политику террора представляют собой делинквентную форму социального взаимодействия, основанного на отчаянии, страхе и ненависти. Деструктивность террора обусловлена, как правило, когнитивно-рациональной сферой, в то время как терроризма – чувственно-эмоциональной и поведенческо-волевой. В основании террора также лежит воля, точнее чужеволлие, но идея в этом случае все же доминирует. Чужеволлие выступает средством ее реализации. Анализ социально-психологических факторов терроризма должен включать исследование трансформации индивидуального и

коллективного сознания и воли субъектов, осуществляющих террористические акты. Это предполагает, прежде всего, выявление природы и сущности воли, трактуемой весьма неоднозначно в специальной научной литературе [4, с. 150].

Воля, на наш взгляд, представляет собой не просто способность к мобилизации человеком своих сил для реализации поставленной цели, как обычно отмечают исследователи, а самореализационную потенцию сущности человека, его духа, высшего «Я». Это означает, что поведение социального субъекта может называться волевым лишь в случае адекватной самоидентификации, осознании своей сущности и деятельности по ее реализации. Ведь мобилизовать свои усилия можно и при реализации навязанной цели извне, как это происходит с многими террористами. Мы это называем чужеволлием. Волевым является тот, кто, говоря словами Лао-цзы, познал именно свое Дао и следует ему. Этот путь предполагает состояние «молчания ума», а отнюдь не внешний и внутренний хаос, творящий маргинальных личностей.

Беспрецедентная коммерциализация и виртуализация современной жизни, помноженные на проблемы, вызванные глобализацией, приводят не только к крайнему самоотчуждению социальных субъектов различных уровней, но и их потерянности в этом абсурдном мире, обрекая противостоящие стороны на агрессивно-деструктивное существование. Что должно произойти с человеком, чтобы он, жертвуя собой, решился пойти на массовые убийства? Отчаяние, разочарование в жизни и желание покинуть этот, по его мнению, несправедливый, жестокий и абсурдный мир. Он убивает других, именно желая покончить со своей бессмысленной и осточертевшей жизнью. И вновь здесь проглядывается зловещая тень страха – эйдоса террора и терроризма. Страх жизни, свободы, смерти и поэтому бессознательная тяга к смерти и трансцендирование ее. «Эшафот – это свобода!» – восклицает Сен Жюст.

Обычно террористы – это, как правило, молодые религиозные люди до 35 лет, счи-

тающие, что сам Бог призывает их наказать врагов. Вера помогает им преодолеть страх и собственные комплексы, поверив в себя, собрать свою волю воедино из мозаичных разбитых кусочков. Поэтому манипуляторы используют религию для направления их воли в «нужное» русло.

Следует подчеркнуть, что в основном террористы вполне вменяемы. Это подтверждают психологические исследования, на основе которых был воссоздан образ современного террориста, оказавшийся весьма похожим на революционеров конца XIX – начала XX вв.: идейный, романтический борец за справедливость и правду [5, с. 132]. Заметим, однако, что изменения в сознании и воле человека не всегда можно обнаружить посредством психологического исследования.

В развитии потенциального террориста, как правило, имеет место нарушение коммуникаций с окружением, трансформирующее его волю, что превращает его в замкнутого, необщительного человека. «Самоубийство подготавливается в безмолвии сердца, подобно Великому Деянию алхимиков», – замечает Альбер Камю [6, с. 215]. Сердце молчит, оно не поддерживает зомбированный «великими» идеями рассудок покончить с жизнью. Воля к тотальному разрушению, включая саморазрушение, порой бывает обусловлена неосознаваемым комплексом неполноценности. Как правило молодой человек, пытаясь стать великим, порой исходя из благородных идей, подобно Великому инквизитору Ф. М. Достоевского, превращается в тирана и террориста.

Сен-Жюст в «Бунтующем человеке» А. Камю замечает: «Если Брут вовсе не убивает других, он убьет себя сам» [6, с. 217]. Таким образом, убийство других является только трансформацией воли к самоубийству. Это лишь различные ипостаси воли к смерти. Убивать, чтобы не покончить с собой! Еще один пример превращения воли к власти в волю к смерти. Взаимосвязь террора и воли личности можно понять, прочитав книгу Бориса Савинкова «Конь бледный». На вопрос: «Почему он убивает?», – Жорж

отвечает: «Я так хочу!» [7, с. 115]. Убийство князя является не проявлением его ненависти к нему и даже не формой социального протеста. Это просто месть за себя, за свою нелюбовь к миру и отчаяние. Такой человек становится сначала «посторонним», а затем уже палачом. Именно «по ту сторону», где господствуют другие смыслы и даже... их отсутствие. По ту сторону привычного... абсурда. Воля некогда человека превращается в своеволие Чудовища. Это прекрасно показал А. Камю в повести «Посторонний», с главным героем которой тоже произошло отчуждение воли и соответственно человечности. В определенный момент он обнаруживает, что ничего не чувствует. Ему сообщают о смерти матери, но он проявляет холодное безразличие, которое сохраняется даже на ее похоронах. Он становится хладнокровным убийцей и даже на суде при оглашении смертного приговора остается таким же посторонним всему происходящему [8, с. 72].

Террористы, подражая героям боевиков, пытаются выглядеть «крутыми», не понимая, что это сломленные обстоятельствами люди, ставшие жестокими и нечувствительными. Такое поведение превращается в стереотип, у человека возникает привычка убивать. Происходит так называемая «хабиитуализация». Идейный борец, бунтарь превращается в обычного уголовника. Вот куда приводит отчуждение, «отмороженность» чувств и трансформация воли. Образ такого террориста ярко иллюстрирует мифологический герой Ацефал – безголовое существо с мечом в руках. Что может быть хуже вооруженного безголового существа?

В романе Б. Савинкова, когда один из героев молится Богу перед террористическим актом, Жорж грубо прерывает его: «Дьяволу молись!» [7, с. 158]. Действительно, странно во имя Всевышнего служить дьяволу.

Исследования показывают, что одной из важных причин трансформации воли личности может являться дефицит эмоциональных отношений в младенчестве и юности, которые нередко компенсируются в дальнейшем фанатической преданностью лидеру, фасцинацией. Таким молодым людям

часто свойственны морально-волевая зависимость, неадекватность, фантазии, жестокость, агрессия и ненависть, максимализм, ведущий к тотальному разрушению своего окружения.

Отчаяние и неприятие существующей реальности могут привести к потребности в слиянии с чем-то большим для наполнения экзистенциальной пустоты хоть каким-то содержанием. Нежелание и неумение создавать может привести такого человека к геро-стратовской позиции самовозвеличивания посредством уничтожения. Ведь к великому можно прикоснуться и рукой смерти. Отсюда и склонность «заблудших» к некрофилии. Э. Фромм хорошо показал это в психограмме А. Гитлера. Странно, что некрофил ненавидит все, что любит. Крайний антиномизм чувств приводит его к убийству даже своих любимых и, в конечном счете, себя самого [9, с. 8].

Террор может трансформировать волю не только личности, но и толпы, которой может овладеть «садистическое безумие», и она из жертвы террора становится жестоким убийцей и насильником. Это явление объясняется известным в психологии законом заражения, подтверждающимся многими историческими событиями [10, с. 270]. Стать человеком сложно, еще труднее остаться человеком, а лишиться человечности большого труда не представляет. Достаточно порой попасть в разъяренную толпу...

Для террориста весь мир замкнут его группой, организацией, целями их деятельности. Его воля, точнее своеволие жестко ограничено в свободе выбора окружением, в котором такой человек больше пытается казаться, чем быть. Своеволье его в данном случае детерминируется чужевольем легитимской парадигмы, напоминая волю человека толпы. По сути, террорист потенциально и является человеком толпы, так как находится всегда в сообществе с единомышленниками.

Жестокость, хладнокровие, неподчинение законам, которые в легитимской парадигме отождествляются с волей господствующего класса, считается ими проявлением

силы и свободы. Специфику содержания воли террориста можно рассмотреть на примере известных синдромов: зомби, Рембо и камикадзе. «Синдром зомби» – проявляется в агрессии боевика по отношению к врагу. «Синдром Рембо» выражается в невротическом своеволии личности, раздираемом конфликтом между стремлением к острым ощущениям и переживаниями тревоги, вины, стыда, отвращения за свое участие в них. «Синдром камикадзе» характерен для смертников, всегда готовых умереть за идею, забрав на тот свет как можно больше врагов. Их чужеволье полно противоречий, основным из которых является, с одной стороны, желание слыть героями, а с другой – страх быть пойманными и потерять лицо. Психолог Тель-Авивского университета Ариэль Мерари отмечает, что в реальности немногие из религиозных фанатиков готовы пожертвовать собой [11, с. 143]. Подобное раздвоение воли характерно для многих террористов.

Изменение воли членов террористической группировки похоже на изменение воли заложников, получившее название Стокгольмский синдром, выразившийся в появлении симпатии к захватчикам после некоторого времени совместного сосуществования с ними. В условиях полной физической зависимости от агрессивного настроенного террориста люди начинают толковать его поведение в свою пользу. Стокгольмский синдром может проявиться в тоталитарных обществах, когда запуганное террором население начинает искренне симпатизировать и сочувствовать диктатору.

Эволюция воли людей, попавших в террористическую группировку в качестве ее членов, похожа на деформацию воли заложников. Они часто «заражаются» идеями своих «друзей», становясь зависимыми вследствие оказанного на них психического насилия. Воля личности искажается в результате принятия ценностей давящей пространственно замкнутой среды.

Важным фактором деформации воли является неадекватная самооценка. Не имеет значения завышена она до ощущения себя

сверхчеловеком или, напротив, занижена до восприятия себя ничтожеством и жертвой. Чем моложе человек, тем более он подвержен индоктринирующим влияниям, ибо бессознательно воспринимает окружение как обучающую среду. Сильная потребность в самоутверждении при осознании недостаточности своих сил заставляют молодого человека искать поддержку могущественных покровителей. Достаточно продемонстрировать эффективное или просто решительное поведение в кризисных ситуациях, для того чтобы стать их кумиром.

Насилие требует от личности внутреннего самооправдания, что часто приводит к раздвоению воли, наблюдающемуся, например, у профессиональных врачей, несмотря на клятву Гиппократова, ставших частью страшного конвейера убийств в нацистских концентрационных лагерях [12, с. 317]. Это объясняется ресоциализацией вследствие сильного группового давления и манипулирования базисными человеческими потребностями. Происходит как бы раскол «Я» личности на две независимо функционирующие целостности, похожий на «раскол» в психике Родиона Раскольникова. Ценности группы, сильно отличаясь от личностных, разрушают психологическую защиту. Вследствие давления актуализируется альтер эго, которое не противоречит требованиям группы. Более того, альтер эго захватывает власть в психике человека, как в сказке «Тень» Г. Х. Андерсена.

Раздвоение воли может быть временным и относительно легко обратимым. Оно может спасти солдата на войне или жертву жестокости. Но так же, как и в сказке Андерсена, альтер эго может стать опасно неуправляемым. Деструктивность террористической группы заключается именно в таком влиянии на волю человека, угрожая привести к окончательному превращению ее в «Тень». Средством потери воли молодых людей выступают обычно «возвышенные идеи», ведь молодежь легко все принимает на веру. Тем более, что используются специальные приемы воздействия на психику [13, с. 148].

На деформацию воли личности в процессе идейной манипуляции влияет существующий социально-психологический дискомфорт и чувство безвыходности. Люди, находящиеся в стрессе, легче подчиняются чужой воле. Именно потребность в общении, поддержке, преодолении разлада воли является одним из факторов попадания многих людей в террористические группы. Причем, чем слабее воля человека, тем сильнее его потребность в вовлеченности.

Террористами являются, как правило, выходцы из регионов с низким образовательным и социально-экономическим уровнем, по тем или иным причинам потерявшие или вообще не имевшие работу. Отчуждение, возникающее в подобных ситуациях, способствует попаданию людей в группы, предлагающие выход из сложившейся ситуации. Единство с группой единомышленников, борющейся с вопиющей несправедливостью, выступает для начинающего горе-террориста средством самоидентификации.

Несмотря на существующую в специальной литературе дифференциацию психологических типов личностей, склонных к террору, на наш взгляд, трудно говорить о существовании единого склада личности террориста [14, с. 115]. Идеи террора могут трансформировать волю любого человека, а тем более социально-психологически дестабилизированного. Другое дело – внешнее насилие, государственное или семейно-личностное, детерминируемое господством левгистской парадигмы.

Важную роль в трансформации воли начинающего террориста играет чувство безысходности. Социологический анализ показал, что около 80 % террористов, оценивали ситуацию перед преступлением как безвыходную. Обычно среди простых убийц-уголовников так оценивали ситуацию лишь 20 %. Это говорит о том, что террористы недооценивают возможности собственных волевых усилий по преодолению трудностей. В то же время практически никто из террористов не считал, что на террористический акт способно большинство людей.

Более того, каждый из них был убежден в собственной уникальности. Это и есть очередное подтверждение разлада воли. Происходит потеря террористом собственной воли, ее место занимает «чужеволлие». Воля организации, а чаще всего ее лидера, «пожигают» волю недостаточно развитой личности. Преданность организации требует отказа не

только от всех близких и родных, но часто и от своей индивидуальности. Личность становится средством достижения общей цели. Таким образом, деиндивидуализация, то есть смерть собственной воли – неизбежная плата террориста как посланника Смерти. Легистская парадигма, культивируя Страх, формирует именно таких людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. О противодействии терроризму: федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. С. Кьеркегор. Страх и трепет. М.: Республика, 1993.
3. Т. Адорно. Исследование авторитарной личности. М.: Астрель, 2012.
4. Даллакян К. А. Воля как феномен энвайронментального отношения. Уфа: Таллер.1998. 140 с.
5. Сейджмен М. Непонимание терроризма. Филадельфия: Университет Пенсильвании Пресс, 2016. 380 с.
6. Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
7. Савинков Б. В. Конь бледный. Конь вороной. СПб.: Лен.издат, 2013. 224 с.
8. Камю А. Посторонний. Сочинения. М.: Прометей, 1989. С. 21–82.
9. Ольшанский Д. В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. 484 с.
10. Кабанес О., Насс Л. Революционный невроз. М, 1998, 370 с.
11. Мерари А. Приведенный к смерти: психологические и социальные аспекты самоубийственного терроризма. Оксфорд. Оксфордский университет, 2010. 328 с.
12. Лифтон. Нацистские врачи: медицинское убийство и психология геноцида. М., 2000. 465 с.
13. Даллакян К. А. Террор как форма социальной экзистенции. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2016. 148 с.
14. Роцин С. С. Политическая психология // Психологический журнал. 1981. № 1. С. 113–128.

© Даллакян К. А.